

«Красный матрос»
Санкт-Петербург
2013

Данные тексты являются общественным достоянием, т.е. могут свободно использоваться любым лицом.

При этом должно соблюдаться право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора (личные неимущественные права автора).

Свободное использование подразумевает:

- использование произведений без согласия автора;
- без заключения с ним договора;
- без выплаты вознаграждения.

То же относится и к оформлению обложки — за что отдельная благодарность петербуржскому художнику Анатолию Кудрявцеву.

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

САЙГОНСКИЙ БЛЮЗ

ХРОНИКИ ТРИКСТЕРА И ДРУГИЕ ТЕКСТЫ

«Красный матрос»
Санкт-Петербург
2013

В. Смирнов

Сайгонский блюз — Санкт-Петербург, изда-
тельство «Красный матрос», 2013. — 136 с.
ISBN 978-5-4386-51__-

«Красный матрос» — книга сто _____

ISBN 978-5-4386-51__-

содержание

Хроники Трикстера	7
Сборник	37
Трилистник	87
Сборник 2	95
Сайгонский блюз	129

ХРОНИКИ ТРИКСТЕРА

часть первая

1

В тесном коммунальном вигваме на северной окраине Города Воды жил Стариk. Двадцать лет он не выходил из вигвама, только спал и часами смотрел в магический кристалл, а скво из собеса приносила ему еду и гуманитарный секонд-хенд. Но настал день, когда смотреть в кристалл стало совсем невмоготу, и Старика потянуло к людям.

И задавали ему люди вопросы, и дивились его лютой мудрости. А он дивился им, ибо ни грана мудрости не было ни в их вопросах, ни в его ответах.

Сам себя он в шутку называл Перворожденным; прочие же индейцы называли его Трикстером. Тоже в шутку.

2

Однажды индеец Крапленая Кость спросил Трикстера:

— Сегодня я пойду в Вигвам Дураков, дабы сорвать куш на рулетке. Скажи мне, на какое число надо поставить, чтобы не пожалеть потом?

— На какое ни ставь — все равно пожалеешь! — ответствовал Трикстер.

И отправился Крапленая Кость в Вигвам Дураков, и ставил на тройку, и ставил на семерку, и много еще ставил — но сама судьба была бессильна перед мудростью Трикстера. И понял это индеец, и устыдился, и не посещал боле сей вигвам.

А его скво ходила по товаркам и славила Трикстера на три квартала окрест.

3

И приступил к Трикстеру индеец Лысый Кришнант, и спросил, пряча глаза:

— О, Трикстер, страшную силу ношу я в себе — великую энергию Кундалини. Ответь же мне, мудрейший, через какую чакру следует выпускать эту космическую Прану?

— Через какую выходит, через ту и выпускай! — заорал Трикстер, выталкивая просителя из вигвама.

Кришнант же громко выпустил свою Прану и ушел счастливым, смеясь и славя мудрость Трикстера.

4

И приступила к Трикстеру рыдающая скво Целлюлитофобия:

— Как мне быть, о мудрейший? Годы идут, и мой мужчина все реже смотрит на

меня, и все чаще — на молодых скво в магическом кристалле. Я уж и на диете сидела, и зарядку делала, и вокруг дома по утрам бегала — ничего не помогает! Еще немного — и он окончательно зароет топор любви!

— Побрей пелотку, скво! — прорычал Трикстер и громко захохотал. Ибо гласила древняя мудрость Перворожденных — если не знаешь, что сказать, говори первое, что придет в голову.

Но скво, похоже, ответ понравился. И ее мужчине тоже. Правда Трикстера она не славила. Молчала целыми днями и глупо улыбалась.

И только Трикстер знал ее тайну. А теперь и мы знаем.

5

И прирастала слава Трикстера ежечасно; и узнали о нем даже в Белом Вигваме. Тогда приступил к нему индеец-депутат Аграрный Коммунитарий, вопия и стеная:

— Ответь мне, о мудрый Трикстер, почему так не любит меня мой народ?! Почему так унижительно называют меня Членом Совета Племени? Что надо изменить в Белом Вигваме, чтобы я стал Правой Рукой Совета? Или хотя бы Левой

Ногой? Ты только намекни, Трикстер, а я уж проголосуну!

— Все может поменяться в Белом Вигваме, — ответствовал Трикстер. — Но кого бы ни назначил Главой наш Большой Лилипут, ты, Коммунитарий, как был Членом, так Членом останешься!

И ушел депутат, вopia и вырывая власы, ибо беспощадна порой была мудрость Трикстера.

6

И приступили к Трикстеру двое пьяных индейцев-интеллигентов:

— Две вещи в этом мире не перестают нас изумлять: где соберется нас двое, тут же появляется и третий; и как только в разговоре помянем мы Москву и Питер — так тут же всплывает и Бологое!

— Мудрый не удивится, увидев трещину в расколотом. Ибо истинно говорю вам — географическая граница Европы проходит по Уралу, а культурная — через Бологое.

Так сказал Трикстер и стал третьим.

7

Белой ночью вышел Трикстер в инет, но и там ему не суждено было скрыться.

И приступила к нему озабоченная скво христианской ориентации, и вопрошала:

— Развей мои сомнения, о мудрейший! Ответь мне, ИНН — он от лукавого? Или откуда надо?

— Откуда Янь, оттуда и ИНН, — уклончиво ответствовал Трикстер.

— Но ведь там число диавольское, 666! — напомнила беспокойная скво.

— Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его 404.

Так говорил Трикстер.

8

Однажды глотнул Трикстер пивка, но не успел проглотить, как приступила к нему скво Автолюбительница:

— Странные вещи творятся в этом мире. Пять лет я ездила на синей шахе и слышала от мужчин только те слова, которых она достойна. А недавно пересела на красную бэху и будто лет на двадцать помолодела. Пылкие джигиты в салон заглядывают, телефончик спрашивают, прогуляться под луной приглашают. И на стоянке, и в пробке, и даже на светофоре пытаются познакомиться. А у меня дни! Я и отворачиваюсь, и головой мотаю, и

даже кольцо обручальное им показываю — ничего не понимают, лезут и лезут! Ну как им еще объяснить, что я сегодня не могу?!

— Достаточно просто показать кольцо, — успокоил даму Трикстер, — но только в такие дни его лучше носить на среднем пальце. Так им будет понятнее.

Скво так и сделала, и ушла довольная, на прощание показав Трикстеру кольцо.

9

Трикстер был божественно прост — плоть от плоти и кость от кости своего человечества. В те дни, когда он не геройствовал (а так было почти всегда), ему надо было от жизни совсем немного — выпить, пожрать да присунуть.

Но женщины Трикстера говорили, что все не так просто. Что жизнь Трикстера — высокая философия, а сам он — гедонист. И пийт, и жрец, и на дуде игрец.

10

И приступили к Трикстеру толпы страждущих:

— Яви нам чудо!

Но Трикстер был с бодуна и послал всех страждущих нах. И возроптали они; и говорили меж собой:

— Да бог ли он?
И услышал их Перворожденный, и горько сетовал:
— Род низколобый и жестоковыйный! Не ведомо вам то, что ведомо и самому ужратому из моих субъильников:
Я — бог!
Но мне пох!
Так говорил Трикстер.

11

Темной осенней ночью мчался Трикстер на сейши. В левом ряду, как и положено Трикстеру. Вдруг чья-то тень неслышно промелькнула перед капотом. На второй полосе ее уже ждали.

— Йопт! Какой-то идиот превзошел меня в распиздяйстве! — удивленно взревел Трикстер. И, проследив за полетом тела, добавил:

— Правда, ненадолго.
А через час, в обществе учеников и поклонниц, он принял на грудь и развел тему:

— Истинно говорю вам — превзойти Трикстера совсем нетрудно. Но пока никому не удалось сделать это дважды.

Так говорил Трикстер.

12

И приступил к Трикстеру индеец еврейской национальности:

— Хочу на историческую родину!

— А чем же тебе эта не нравится? — удивился Трикстер.

— Но здесь же ни Херута, ни кибуца...

— Чудак-человек, да где ж еще кибуща, как ни здесь?! Да тут так кибуща, что перья летят!

Индеец проникся и решил не возвращаться на историческую родину. А остаться на неисторической.

13

Сошлись как-то книжники в непримириимом споре — каким главным атрибутом явил себя человеку Великий Креатор. И говорили одни, что явил им Креатор свой божественный гнев; другие же отвечали, что явлена им его божественная любовь. И спорили они без устали; и не могли прийти к согласию. И убивали они ради гнева, и прощали ради любви. И убивали ради любви, и прощали ради гнева. И пролили реки крови ради любви и гнева. Когда же пошла кровь на убыль, взглянули они окрест и ужаснулись. И в ужасе

приступили к Трикстеру, дабы разрешил он их давний спор.

— Я не видел всевышнего гнева, — ответствовал Трикстер, — и не чувствовал всевышней любви. Но, глядя на мироустройство, я не устаю восхищаться чувством юмора создателя. Ибо оно совершенно.

Так говорил Трикстер.

14

Седьмого дня весеннего месяца апрель вечерял Трикстер с мужиками в пивной. Когда же склынула первая волна, и стало накатывать бархатными глотками, приступили к нему мужики и вопрошали:

— Вот мы слушаем тебя и ржем, слушаем и ржем — а толку? Научил бы ты нас лучше жизни и истине.

Трикстер долго смеялся. Но потом все же ответил:

— Хотите истины? Есть у меня для вас истина, слушайте:

Учиться у меня можно. Но не нужно.

Таково мое слово.

Но если кто-то не согласен со мной — я буду его учить.

Мужики гордо молчали, постигая сказанное. И лишь Борода ничего не понял.

Он хряпнул кружкой о стол и возмущенно рыгнул:

— Это что же получается? Выходит, учеником может стать лишь тот, кто не верит учителю? Но это же полная хуйня!

— Первый! — сказал Трикстер.
— Хуясе! — сказали мужики.

15

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и горько сетовал:

— Нет мира в моем вигваме. Тропа войны слилась с тропой любви, и два топора всегда в моих руках. Я ли в том виноват? Или моя скво? Или проблема в том, что мой сын не похож на меня?

— Умный, наверно, раз на тебя не похож? — предположил Трикстер. — Ибо только дурак может искать проблему в детях.

А проблемы у вас всего две.

Первая — ты не похож на ее отца.

И вторая — она похожа на свою мать.

— Так что же нам делать? — отчаялся Супруг.

— Простите это друг другу. Или добейте уже себя наконец.

Так говорил Трикстер.

16

Наутро же приступил к Трикстеру индеец Супруг, радостно вопия:

— Трикстер, ты не прав!!! Я выкурил трубку мира со своей скво, и у нас нет больше проблем! Я похож на ее отца! А она не похожа на свою мать!

— Свою-ж-мать... — машинально повторил Трикстер. А потом добавил:

— Принеси-ка и мне той травы, которой ты забиваешь трубку мира.

17

И был день, и было пекло. Когда же поутих полуденный жар, собрал Трикстер мужиков в тени старого каштана — ибо подошло время оттяга. Деловито и неспешно расстелили на траве газету, крупно порезали рыбку горячего копчения, разлили в пластиковые стаканы прохладную водку. Молча возлегли. Вздрогнули. Закурили.

Сама собой потекла неторопливая беседа. Внутри потеплело; жизнь налаживалась.

Трикстер лениво огляделся. Неподалеку на скамейке маялся потный Офисный Планктон с бутылкой теплого пива. Сомнений

быть не могло — в июльский день пиджак и галстук однозначно указывали на клановую принадлежность. Планктону было жарко и тоскливо.

— Присоединяйся! — махнул ему Трикстер, пожалев несчастного.

Планктон оживился и радостно засеменил на зов.

— Падай! — широким жестом Трикстер указал на свободное место в круге.

— Благодарствую! — пискнул Планктон и аккуратно присел на корточки, предварительно одернув брюки на коленках.

— Бери закусь!

Планктон слогнул и посмотрел на мужиков. Мужики ели рыбу руками, выплевывая кости и облизывая масляные пальцы.

— Спасибо, я сыт, — пропищал он, пряча глаза.

И в третий раз обратился к нему Трикстер, протягивая стакан:

— Держи!

И в третий раз Планктон вежливо откался:

— Благодарю, я со своим.

Он допил пиво и несколько минут сидел молча, остро ощущая свою непричастность к этому миру, этому каштану и этим людям.

Затем неловко извинился, тяжело вздохнул и поплелся куда-то по своим мутным офисным делам.

— Вот же ж мудак! — возмущенно зашумели мужики.

— Хуй пойми кто, — уточнил Борода.

Все посмотрели на Трикстера, но тот был расслаблен и не склонен к затяжным поучениям.

— Хуй пойми кто, — коротко подтвердил Трикстер. Потом опрокинул очередной стакан и добавил:

— Истинно говорю вам — сеющий дресс-код пожнет капчу!

Так говорил Трикстер.

18

И приступили к Трикстеру ученики, и вопрошали:

— Мы ходим повсюду вместе, и пьем, и дуем одно и то ж. Почему же Борода стал твоим любимым учеником?

И Трикстер ответствовал:

— Вы слушали меня и не слышали, смотрели на меня и не видели. И только Борода понял главное — что Трикстер не стоит зависти. Ибо живет на краю и ходит по краю. Вы же, безумцы, мечтаете превзойти Трикстера.

Но нельзя обогнать бегущего по краю, не сорвавшись за край.

Так говорил Трикстер.

19

И приступил к Трикстеру индеец Неофит, и начал методично выносить мозг, ибо реально высадился на умняк. Трикстер же молча пыхал, думая о своем, пока Неофит не вцепился в его рукав:

— Что мне сделать, чтобы быть услышанным?

Трикстер проводил взглядом рассыпавшуюся пятойку, вздохнул и ответил:

— Насмеши меня.

— Но как?

— Очень просто. Хочешь насмешить Трикстера — поделись с ним своим планом.

Так говорил Трикстер.

20

И возлегли ученики на траву, и расслабились, дабы неспешно постигнуть глубинную суть вещей. И когда эта суть была уже близка, приступил к ним индеец Супруг, весь в печали и тяжком подпитии.

— Налейте мне, мужики, — мрачно выдохнул он. — Нашла-таки моя скво заначку и выскребла все дочиста.

— Да, чистоту они любят, — подтвердил Борода, доставая стакан.

— Еще и базу под это подвела, — обиженно продолжал Супруг. — Я, грит, должна выглядеть презентабельно. А ты, грит, подавляешь мою женственную натуру. Кстати, а что значит презентабельно?

— Презентабельно — это от слова президент, сиречь подарок, — ответствовал Трикстер. — Выглядеть презентабельно значит выглядеть подарочно.

— То есть как блядь, — уточнил Борода.

— Я так и думал, — угрюмо пробурчал Супруг. — А что значит женственная натура?

— Это от слова женщина, сиречь скво, — ответствовал Трикстер. — То бишь скволочная натура.

— Давил и буду давить! — свирепо произгласил Супруг, поднимая стакан.

За это и выпили.

21

Две недели город задыхался от жары — и наконец дождался дождя. Ученики блаженно вдыхали озон и потягивали пиво на

крытой веранде. Жизнь была прекрасна и удивительна.

До тех пор, пока бармен не включил магический кристалл. Новости, Белый Вигвам, крупные планы. Ученики опустили глаза, но было поздно — лучший вечер сезона был непоправимо испорчен. Пиво загорчило, а сухарики наждаком ободрали нёбо.

— Скажи мне, учитель, — вполголоса спросил Водила, — а ты принимал участие в создании человека?

— Ну а як же! — улыбнулся Трикстер. — И неоднократно.

— Я вот чего не пойму, — продолжал Водила, — если Креатор делал этих людей по своему образу и подобию, он же должен быть настоящим уебишем.

— По образу и подобию в мир приходят дети, — ответил Трикстер, — а уже потом родители и учителя превращают их в срань господню.

— Но как такое возможно? — недоверчиво спросил Водила.

Трикстер пожал плечами.

— Сон разума рождает уебиш. В промышленных масштабах.

Так говорил Трикстер.

И затарились они, и решили возлечь прямо у магазина, чтобы потом далеко не бегать.

— А вот еще был случай в одном зеленогорском вигваме, — начал Трикстер, но Водила перебил его:

— Да сколько ж можно слушать твои байки! Другие учителя притчами изъясняются, а у тебя все приколы да смехуечки!

— Хотите притчу? — усмехнулся Трикстер. — Ну так слушайте.

Жил некогда в одной отдельно взятой стране индеец ГлавГей. И пресытили его услады тела, и возалкал он услад духа. И призвал он к себе представителей всех мировых религий, дабы узнать, как они относятся к геям, и выбрать свой духовный путь. И пришли к нему миссионеры, кипя и брызжа, ибо многое они желали высказать ГлавГею.

Когда же наступил час откровений, взошел на кафедру представитель РПЦ и грозно возвестил:

— После смерти все геи попадут в ад, где их будут нещадно жарить...

— Отлично! — возопил ГлавГей. — Всем спасибо, все свободны. Наш выбор сделан.

Вот с тех самых пор РПЦ и геи так неровно дышат друг к другу.

С минуту все молчали.

— Ну и в чем же тут смысл? — подозрительно спросил Водила.

— Что перебивающий учителя подобен пидору? — предположил Борода.

— Ну, почти, — улыбнулся Трикстер. — От перебивающего ускользает смысл сказанного.

Все снова умолкли. Водила почесал щетину на скуле и вопросительно взглянул на Трикстера:

— Так что там, говоришь, было в том зеленогорском вигваме?

23

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и горько сетовал:

— Сходил я намедни со своей скво к семейному психологу. Так эта грымза сказала, что нам нельзя ругаться так часто, что ежедневные ссоры разрушают семью. А как же мне со своей не ругаться? У меня тогда мозг взорвется. Выходит, капец семье?

— Не бери в голову, — успокоил Супруга Трикстер. — Тут надо помнить лишь одно правило: каждую ссору завершай сексом.

И следи за балансом. Если ссор будет больше, чем секса, тебе уже ни один психолог не поможет.

— А если меньше? — с надеждой спросил Супруг.

— Пока есть силы — не слушай старых грымз, ругайся хоть по три раза на день! Семье это не угрожает.

— Так я побегу? — обрадовано вскочил Супруг. — Ух, как же я сейчас с ней поцарапаюсь!

— Беги-беги, — напутствовал его Трикстер. И добавил, обращаясь к ученикам:

— Истинно говорю вам — не бойтесь ссор частых, но бойтесь ссор редких.

Так говорил Трикстер.

24

И возлегли они, и вкусили блаженство расслабления. Когда же до единения со всем существом оставался лишь один вдох, приступил к ним индеец Адепт, громогласно вопия:

— Вот вы тут лежите, а там митинг! Честного человека, хорошего журналиста с работы выгнали! За правду! Вставайте быстрее, покажем врагам, что мы едины!

— Не мельтеши! — перебил его Трикстер и, указав на свободное место,

добавил. — Возляг лучше с нами и послушай байку про древнейшие профессии. Была у меня когда-то знакомая, вип-проститутка. И случилось так, что на одном инет-портале появились ее фотографии, естественно ню. Причем не рабочие, но исключительно из личной жизни. А поскольку та простиутка была полноправной гражданкой Федерации, затерзали ее сомнения — а не подать ли ей в суд на тот портал за вторжение в частную жизнь, смертельное оскорбление и моральный ущерб.

Трикстер умолк, достал из кармана трубку и неспешно занялся ею.

— И что, подала? — спросил Водила, не дождавшись продолжения.

— Зачем ей это? — ответил Борода. — Для нее же такие фотки — лучшая реклама. Она наверняка еще и отстегнула порталу. И еще пару сессий туда дослала.

Все посмотрели на Трикстера.

— Правильно, — подтвердил он. — Для проститутки это было лучшей рекламой. Поэтому она и подала в суд. Скандал был такой, что тех злосчастных фоток не видел только ленивый. Кстати, именно после этого она из простой шлюхи и превратилась в вип.

Трикстер снова умолк; мужики тоже глубокомысленно молчали.

— Так я не понял, — неуверенно спросил Адепт, — нам на митинг-то идти?

— Смотря чего вы хотите, — ответил Трикстер. — Если хотите обломать честного журналиста — идите и добейтесь его реабилитации.

Так говорил Трикстер.

25

И приступил к Трикстеру индеец Супруг, и вопрошал:

— Скажи мне, учитель, как отличить человека от боевого человекоподобного робота?

— Очень просто, — ответствовал Трикстер. — У человека в голове тараканы. А у робота — баги.

Так говорил Трикстер.

26

И приступил к Трикстеру индеец Старпер:

— Вот скажи мне, Трикстер — ты же старше меня раз в триста. Почему же тебя все называют Суперстар, а меня — Старпер?

Трикстер долго смеялся. Так долго, что Старпер и сам все понял.

27

Плавно текла трапеза, и так же плавно текла беседа. Когда же разлили по пятой, разговор о судьбах индейской интеллигенции традиционно перетек в разговор о природе скво.

— Нам их не понять! — обреченно начал Супруг. — Вот объясните мне — как может голова болеть каждый вечер? И главное — чему там болеть???

— Сквы — существа непостижимые, — глубокомысленно изрек Борода.

— Тоже мне, бином Ньютона, — усмехнулся Трикстер. — Формулу скволовчной головы выдавливали еще на шумерских табличках. Чем меньше там чему болеть, тем чаще оно и болит.

Так говорил Трикстер.

28

И приступила к нему скво Мордокнижница, стеная и жалуясь на одиночество в социальной сети.

— Сегодня опять выложила фотки — и опять ноль внимания! Никто не плюсует, никто не лайкает. Меня просто никто не замечает. А фотки хорошие, няшные. Не понимаю — чего им еще надо? :(

— В том-то и беда, что няшные. А должны быть нюшные!
Так говорил Трикстер.

29

И приступил к ним Планктон, многообещающе позвякивая увесистым дипломатом:

— Поздравьте меня, мужики — я взял очередной кредит. Надо бы обмыть...
— Не гони коней, — осадил его Водила, — сейчас Трикстер подойдет, и начнем.

— Да что вы все носитесь со своим Трикстером, как с писаной торбой? — возмутился Планктон. — Кто он такой вообще? Обычный оттяжник, каких у каждой точки валом.

— Так оно и есть, — согласился Супруг, — оттяжник и раздолбай. Но только раньше я на службе с утра до ночи жилы рвал и по психологам бегал непрерывно — а семья разваливалась на глазах. И ничего не помогало. А сейчас бухаю с вами в полный рост — и все ништяк. Супруга с меня пылинки сдувает, сын мне в рот смотрит. И Водила перестал на людей бросаться, и Док чего-то там защищил. Нет, что-то в нем все-таки есть...

— Да что в нем такого может быть? — не унимался Планктон. — Простой же алкаш!

— Не простой, — возразил Борода, — и не алкаш. Он — часть той силы, что вечно ищет кайф и вечно совершаet благо.

Так говорил Борода.

30

И приступил к ним индеец Супруг, матерясь и скрежеща зубами:

— Куда катится этот гребаный мир?! Уже и в школу детей страшно отпускать. Вчера сыну дали брошюруку, а в ней русским по белому написано, что гомосексуализм теперь считается нормой. Они там что, совсем ебанулись? Что у них в голове?

— Да они давно уже думают не тем, что в голове, — объяснил Док, наливая Супругу до краев.

— Но мозг-то у них должен быть? — неуверенно спросил Супруг. — Они же с детьми работают.

— На хрена им мозг? У них есть классификатор болезней. МКБ-10 — их библия, истина в последней инстанции.

Все посмотрели на Трикстера, но он только отмахнулся.

— В последней инстанции — это для дебилов. А для остальных — тестовая версия

истины в десятой редакции. И, кстати, тестируется она сейчас именно на нас.

Так говорил Трикстер.

31

Разомлев от жары, мужики лениво потягивали пиво в тени террасы. Водила похлопал себя по карманам и ленонько потянул Планктона за рукав:

— Слыши, закурить не найдется?

— Да я уж неделю как бросил, — отзвался Планктон, не поворачиваясь. — Вредно для здоровья. По зомбовизору сказали, что каждая сигарета сокращает жизнь на пять минут.

— Ага, а кружка пива — на десять, — в тон ему прогундел Водила, доставая очередную бутылку.

— А час на диване у зомбовизора — на двадцать, — подхватил Борода. — Так что курить тебе по-любому полезнее, чем слушать про вред курения.

— Что, действительно на двадцать? — недоверчиво переспросил Планктон, обернувшись к Трикстеру.

— И чему я вас только учу! — вздохнул Трикстер. — Это же элементарно. Час,

проведенный у зомбовизора, отнимает у жизни ровно час.

— От-же-ж-бля! — восхищенно выругался Планктон. — Мужики, а закурить ни у кого не найдется?

32

Июльское солнце пробивалось сквозь закрытые веки багровой волной; сознание неуловимо соскальзывало в свет, где теряется грань между оттягом и медитацией. Тяпничный вечер располагал; да никто особо и не противился.

И хотел приступить к ним Столичный Хипстер, и не знал как. И топтался он пред ними неприкаянно, потея и разглядывая бисер на мокасинах.

— Да садись уже, не заслоняй солнце, — махнул рукой Трикстер.

Хипстер с сомнением оглядел свои зауженные белые джинсы.

— Чо, прямо на бордюр?!

— На поребрик, — поправил Борода, не открывая глаз.

— Да какая в жопу разница? — раздраженно огрызнулся Хипстер. — Камень он и в Африке камень.

Трикстер приподнял голову и посмотрел на него с сожалением.

— Суть не в материале, но в технологии.
Бордюр ложат. А поребрик кладут.
Так говорил Трикстер.

33

И приступила к ним вечно недовольная скво Льготница, и кипел ее возмущенный разум. И поносила она мужиков, насколько хватало словарного запаса.

— Что лыбитесь, козлы?! В стране кризис, на пенсию не прожить, все дорожает! Промышленность разрушили, сельское хозяйство угробили, полимеры просрали! И сидят довольные! Веселятся! Чему радуетесь, злыдни?

— Питие на Руси — веселье есть! — снисходительно объяснил Борода. И, повернувшись к Трикстеру, уточнил:

— Правильно?

— Неправильно, — ответил тот. — Бытие на Руси — веселье есть. А питие его только усугубляет.

Так говорил Трикстер.

продолжение следует.
или не следует

СБОРНИК

Имперские марши

1

Равнение — направо!
К позициям — бегом!
и вбиты в землю травы
казённым сапогом,
и вновь уводят строем
в пески чужой страны
обманутых героев
бессмысленной войны.

В спасении — прощенье,
сомненья далеки,
быт по живым мишеням
весёлые стрелки,
им выдадут награды,
а трупы сбросят в ров,
скажите, бога ради —
почём чужая кровь?

Под гусеницей танка
афганская земля,
вожди кричат — «в атаку!»
бесстрашно из Кремля,
всё дальше наши флаги
вывозят за рубеж —
зачем грустить о Праге
и помнить Будапешт?

Под серп кровавой жатвы,
в крещение свинцом
великая держава
безусых шлёт юнцов.
Равнение — направо!
Не выдайте, сынки!
Вперёд! За вами правда,
весёлые стрелки!

А если думать больно
с кем там подружка спит —
солдату перед боем
промоет горло спирт,
по кругу пустят фляги
избранныки судьбы —
жлёт панифистов лагерь,
героев ждут гробы.

И смерть покроет славу,
и кровь зальёт погон,
чужие лягут травы
под русским сапогом,
и снова, как когда-то,
пройдут, примкнув штыки,
имперские солдаты —
весёлые стрелки.

2

Брат мой лёг
в песок
в далёкой стране,
враг мой
рвётся в бой
за нашей спиной —
тыловой герой подрос на войне.
Кем расплатится он завтра свойной?

3

Вернулись из окопов
мы под родимый кров,
отмыв с ладоней копоть
и спёкшуюся кровь,
бесславные увечья
нам больше не страшны,
забытые навечно —
до следующей войны.

Затих над ковылями
набат стальных лавин,
как метко мы стреляли
в братьев по любви!
Но пулями их метить
мы больше не должны —
уже до самой смерти —
до следующей войны.

В кровавой карусели
наш скорый суд карал,
обильно смерти сеял
и ждал ростков добра,
излишни оправданья —
герои прощены.
Прощайте! —
до свиданья! —
до следующей войны.

Пусть вместо флагов реют
полотнища простынь!
Забыть бы поскорее
кошмар чужих пустынь!
Пусть народятся где-то
шальных полков сыны,
успеть бы до рассвета —
до следующей войны.

Червонно от любили,
подняли якоря —
нам завтра на чужбине
крестами козырять,
сержант найдет на карте
угрозу для страны
в охотничьем азарте
очередной войны.

4

Я плыл в кровавой вате
с коростою белья
на крашеной кровати
по волнам забытья,
но вынырнул как будто —
сегодня повезло.
О будущем забудьте —
мечтайте о былом.

5

Свинцовую метель
омыл кровавый ливень,
свистели пули вслед,
но в темноту ушёл десант,
а чьих ещё смертей
запросит справедливость —
решают на земле,
а вовсе не на небесах!

Но глохнет бой ночной,
развеян трупный запах,
вернулся я с войны
на деревянных костылях,
только война за мной
идёт на рысих лапах —
всё чаще снятся сны
в которых хочется стрелять!

Но снова
сквозь Санта-Камрадо,
бесшумно снимая посты,
ночного
десанта
команда
пройдёт, как сквозь лёгкие штык!
и жёстким кинжалным ударом,
внезапным, как выстрел в упор,
слепую бездумную кару
обрушит на Порт-дель-Амор!

Нас предала страна,
забыты все обеты,
есть рана и медаль,
но нет работы и семьи.
Проклятая война!
Бездарная победа!

Так сколько лет мне ждать
что зарастут следы твои!

Вчерашних школьников —
в воронку мясорубки,
на дальних островах
за справедливость воевать!
Я помню только кровь,
к одной работе руки
привыкли — убивать,
зато надёжно убивать!

Но снова
сквозь Санта-Камрадо,
бесшумно снимая посты,
ночного
десанта
команда
пройдёт, как сквозь лёгкие штык!
и вороны Санта-Либертад
к рассвету распнут на звезде
конвойером —
веером смерти
в обоях свинцовых гвоздей!

Напев

В смутах за крамолою
красен пир расплатою,
по уда́лым мόлодцам
плачут дыба с плахою,
но ветра весёлые
отыши-ка во поле!
скакуны осёдланы,
петельки полопались!

С посвистом да с руганью
прочь от града стольного
на простор, где стругами
пенят волны вольные!
где судьба размечена
не годами быстрыми —
песнею да вечностью
с вечера до выстрела!

Буйная головушка —
смерть вокруг да около!
коль запел соловушкой,
так ударь же соколом!
да по княжым воронам,
да по хану-аспиду,
по варягам-врагам,
по востоку-западу!

Что же ты, нелёгкая,
всё лютуешь-маешься?
выноси, залётные,
коль судьба прямая ешё!
обручимся с верою
в нашу волю вольную,
чтоб подняться к северу
Доном или Волгою!

Годами-невзгодами
замело дороженьки
где лихие головы
у заставы сложены,
где ветра весёлые
спят без покаяния...
Отчего ж так солоны
росы россиянны?

Пожар

Пожар в моём доме!
гранатовым соком
две алых ладони
рванулись из окон,
и вдарил по стенкам,
сбивая обои,
обрез неврастеника
с полной обоймой.

Гарь выбросит в небо
нахлынувшим ветром,
горит моя мебель,
велюры-вельветы,
а в комнате крайней
огонь, сатаня,
стирает собранье
моих сочинений.

Я запер их в ящик —
речь корчится в спазмах!
Будь проклят, хрипящий
пиариум плазмы!
Созвездие тем
перечёркнуто зверски,
и в пепле поэм
догорают повестки.

Бредовая небыль —
ночные пожары!
Цела моя мебель,
костюмы-пижамы,
нет дымного облака
пепельной хмари —
изъяты при обыске
только бумаги.

Пожар в нашем доме!
к нам время жестоко,
свет алых ладоней
пробился из окон,
но против стихий
есть немало приёмов.
Дарите стихи!
И не бойтесь погромов.

Этап

Брошу карты на пол —
больше нечем козырять!
завтра по этапу
повезут нас в лагеря,
вспомни о заветном
и не надо лишних слов,
что грустить об этом —
это всё давно прошло.

Впереди во мраке
карцер, драки,
стукачи,
длинные бараки
в долгой северной ночи,
стужа Нарьян-Мара,
беспробудная метель,
затяжным кошмаром
жизнь на вечной мерзлоте.

Пять шагов до воли,
да засовы на дверях!
Прокурор доволен —
нам сосватал лагеря,
завтра на рассвете
улыбнись судьбе назло,

что грустить об этом —
это всё давно прошло.

Трубы ты оставил —
будут воды и огонь,
длинные составы,
бесконечный перегон,
затхлые кюветы
и дорожная тоска
как преддверье в эти
вековечные сроки.

Наконец свободен —
больше нечего терять!
Завтра мы с тобою
уезжаем в лагеря,
словно листья с веток
мы летим к своей судьбе,
что жалеть об этом —
всё твоё навек в тебе.

Полковая песня

Синий доломан,
серебристый крест,
не своди с ума
ты чужих невест,
Бурцев ждёт на пир —
торопись, гусар!
не обсохнет спирт
на густых усах.

Ментик на плече,
шитый золотом,
оспою свечей
ночь исколота,
всклончена ворон
злыми воплями,
утро эскадрон
встретит во поле.

Пена на боках,
храп затравленный,
нервы седока
в шпоры вплавлены,
лихо отблистал
день без роздыха,
вспыхнет сабли сталь
в мутном воздухе.

Густо солона
к брюху чалого
кровь по стременам
струйкой алою,
медленно в седле
всадник клонится,
припадёт к земле —
успокоится.

В зелени ольхи
и смородины
развязки грехи
ему, Родина.
Скорых похорон
скорбь короткая,
хищный хрип ворон,
мгла сиротская.

Враг со всех сторон,
с скачка начата,
завтра эскадрон
срубят начисто,
вдоль дорог в пыли
мусор да зола,
пушки бьют вдали,
бьют колокола.

Реквием

Зима. Безмолвные снега.
Ночные холода.
Сомкнуло льдами берега
в замёрзших городах.
Ночь стынет в ледяных тисках,
болезненно долгая,
как циферблатная тоска
в бессмысленных кругах.

Мы тонем в вязких смолах тьмы
с огарками стихов,
под крики третьих, и седьмых,
и сотых петухов,
а время замкнуто стальной
ловушкою кольца,
и кружит ночь, слепая ночь,
без цели и конца.

Но прорываются в рассвет
стихи сквозь мутный снег,
хоть запропал поэт навек
на полпути к весне,
от стыни ледяных оков,
от мёрзлых февралей,
от миллионных петухов —
до первых журавлей.

Художник

Если гаснут краски, пав на мольберт,
как зола в потухшем костре,
я тебя научу, как чувствовать свет —
просто веки бритвою срежь.
Ремесло и школа — это брехня,
так проста таланта цена —
воспалённым глазом к исходу дня
ты почувствуешь свет сполна.

Если воду из глины можешь давить,
ну а пальцы всё же слепы,
как перчатку кожу с руки сорви —
и прозреет она — лепи!
с искушеньем факел орущих рук
утопить в бинтов белизне.
Я могу научить, как чувствовать звук —
только это ещё больней.

И куда ни протянешь ладонь — пробьют,
здесь пропитано болью всё,
и куда ни метнёшься — чашу твою
Отче мимо не пронесёт.
Кто в компостер века не сунул рук,
своего креста избежал,
тем дано горшки обжигать без муки —
только их ещё больше жаль.

Осень

Ветер листья разносит
по асфальту со скуки.
Осень.
Зелёные куртки.

Осень.
В Питере осень.
У девушки листьев букеты.
После.
Здесь не до этого.

Осень.
В Питере холод.
В руки из рук — листочки.
Как листовки.
Подполье.

Осень.
В Питере что-то...
Риск.
Наплевать, не бойтесь!
Шепот — свобода...
Крик — свобода!
Осень.

Слякоть.
В Питере ливни.
Грог под сырок — застолье.
Спешка, зачёты, книги.
Листочки.

Осень.
В Питере полдень.
Пушка. На стенке лозунг.
Так тебя и запомнил —
Осень.
Питер тревожен.

Осень.
Зелёные куртки.
Хлещет ветер жестоко.
Из рук в руки —
листовки.
Осень.

Русалочка

Ты ходила — словно по воздуху,
так движенья были легки,
пританцовывая, как гвоздики,
ты вбивала в пол каблучки,
как мелькали туфельки белые! —
эта лёгкость моднейших зверств.
Кто же знал тогда, что ты бегала
по гвоздям — остриями вверх!

Я смотрел лишь вперёд, решая,
как пройти подальше от лжи,
что нас ждёт на следующем шаге,
кто готовит для нас ножи,
где дорога ещё свободна —
ведь нельзя идти по любой.
А ты знала, что и сегодня
каждый шаг — боль.

Мы опаздываем, мы бегаем,
а за нами, ног не щадя,
рвутся наши девчонки бедные —
по иголочкам, по гвоздям.

Оглянись — тут нет ли твоей вины?
Ну куда на полную жмёшь!
Наизнанку шиповки выверни —
вот тогда, может быть, поймёшь.

В суматошных своих занятиях
забываем мы всё и вся,
по кровавым гвоздям распятия
ты спешишь, свой крест пронося.
Нам идти и идти с тобою,
а судьба крута и горька.
Я готов принять твои боли.
Я несус тебя на руках.

Вильнюс

Клинки кирпичных кортиков
рванулись вверх свечами,
мне костью в горле готика —
по классике скучаю,
мне эти крыши красные —
как наши транспаранты,
когда их оптом в праздники
несут дегенераты.

Я улицами старыми
шатаюсь, полируя
бухого пролетария
ненужное оружье,
а сам он спит за стойкою
спокойно и удобно,
с опустошённой стопкою
в мозолистой ладони.

Жара. В духовке между стен
как в душегубке маясь,
ишу какую-нибудь тень,
мечусь, схожу с ума я.
И по ночам не спится.
Жизнь — вечный понедельник.
И не хватало — спиться.
Но не хватает денег.

Любовь

Тщетность преломленья трёх хлебов
пред толпою, жадной и голодной,
это называется — любовь,
или по-другому — безысходность.
Символ веры, чей собор вставал
на плите тройного отреченья.
Он свободой воли называл
горький долг забвенья и прощенья.

Хриплое дыханье всё слабей,
сохнет гной на веках воспалённых,
никнут крылья белых голубей
под орлами римских легионов,
благодарность купленных рабов
за определённость жалкой доли
кем-то будет названа — любовь,
кем-то — чаша слабости и боли.

У любви есть множество имён,
оправдать любое — не проблема,
сколько раз ты ими был клеймён!
как легко стирались эти клейма!
забывались радость и восторг,
старый день мутнел под ночью чёрной,
и включал неоновый восток
новый день, чьё имя — обречённость.

Мечемся в судилище слепом —
от плевел неотделимы зёрна,
жатва под безжалостным серпом
падает устало и покорно,
но среди камней и остюгов,
под осями колесниц походных
прорастает горькая любовь,
имя у которой — безысходность.

Служба спасения

Как легко я нравился женщинам!
как легко расставался с ними!
но слетались новые грешницы
в золотое сиянье нимба,
не ко мне — просто так, скучая,
что им свет мой! — и что они мне!
через год столкнёшься случайно,
скажешь — здравствуй! — не вспомнишь имени.

От Прибалтики до Сибири
чье-то окна в ночах синели,
под окою девчонки бились,
и хрюпали, и сатанели,
но когда остывшее тело
опадало пустой перчаткой —
как расслабиться им хотелось,
влажный лоб мне в плечо впечатав!
Нарыгчавшись за день по-звери,
так доверчиво засыпали!
дефицит простого доверья
нас сводил в свистоплясках спален,
всех случайных подружек на ночь,
безнадёжно чуждых и дальних,
эта сила швыряла навзничь
к алтарям их исповедален.

Мне шептали — сплошным потоком —
одиночество... страх... потери...
как судьба, чужая жестокость
нас фатально вела в постели,
эти беды, боли, печали
на кого-то выплеснуть надо!
Телефон мой звенит ночами —
так врача вызывают на дом.

Как ты вскинешься мне навстречу!
но в finale страшных порывов
лишь горячий комочек речи
будет биться в плечо надрывно,
и тогда совершится чудо —
заслоняя прошлое, встанет
близость душ, бесконечно чуждых —
отгорит и к утру растает.

Я уеду. Звонков не будет.
Всё рассказано с первой встречи.
Ты с утра вдохнёшь полной грудью,
улыбнёшься — и станет легче.
Распахнись навстречу апрелю!
Хлынет в окна ветер весенний.
Буду ждать телефонной трели —
срочный вызов службы спасенья.

Сестрёнка

Я ходил — круги под глазами,
позабыв про сны и желанья,
безнадёжно, фатально занят,
переполнен людьми, делами,
был забит под завязку, словно
календарный листочек в мае,
а теперь подбираю слово —
кем ты стала мне. Понимаешь?

Был я полон и скомпонован,
лишней ты была и осталась.
Без тебя затоскую снова —
только этого не хватало!
Сколько женщин я опекаю,
сколько женщин меня ласкают —
ну на что мне ещё — такая!
ну за что мне ещё — такая!

Разве что-то мне было чуждо?
водка — даже с доставкой на дом,
моя девушка — просто чудо,
ну чего же ещё мне надо?!

полнота оказалась ложной —
нечем новые связи мерить,
объяснить это очень сложно —
не поймут или не поверят.

Улыбнёшься ты, скажешь — зря я...
А как страшно порой, ты знаешь,
что сестрёнку вдруг потеряю!
будь хоть трижды ты неродная.
Сколько женщин с собой таскаю,
своим прихотям потакая —
ну на что мне ещё — такая!
ну за что мне ещё — такая!

Вокзал

След улыбки парадной
тревожная горечь смывает,
бъётся нервная радость
последних минут расставанья,
бъётся смех невпопад,
и в словах ошалелая лёгкость —
я уже запропал,
затерялся далёко-далёко...

Сколько мы расставались
в заплёванных залах вокзалов!
ты всегда оставалась,
а я уезжал,
и казалось,
забывался надрывным и тёмным весельем
пейзажей, уныло-привычных,
фонари на перронах висели
желтками протухших яичниц,

а соседи, спеша,
потрошили пакеты и сетки,
на пол соль рассыпая, кроша
чёрный хлеб на салфетки,
доставали бутылки, ножи,
чтоб на миг не остаться без дела,
чтоб скорей устаканилась жизнь
в своих новых пределах.

Но сегодня погода
на вкус — как окурок потухший,
опустевшего города
стены
придавлены небом набухшим,
изменились значенья
прощальных простых ритуалов —
ты забылась в кочевьях,
а я
растворился в людских колыханьях усталых.

Безъязык, одинок,
затерялся в толпе сиротливо,
разномастицей ног
город хлюпает в лужах сопливо,
упиваюсь щемящим и горьким прозреньем,
своей пустотой и потерей,
злые птицы, свинцовым шурша опереньем,
к помойке родной полетели,

в человечий поток
уценённые маски раздали,
солнца грязный желток
на асфальтовом небе раздавлен.
Бесполезно стучаться
в отринувший мир, запирающий двери.
Но дай бог тебе солнца и счастья,
высокого неба,
безоблачной веры.

Куранты

Да здравствуют Советы!
Тепло от их заботы!
Кричу я во весь голос —
Они дают свободу!
Свободны мы, как ветры!
Свободы выше горла!
В какой ещё системе
нам дали бы столько света
задаром?!

Да здравствуют Советы!
Мы им ответим тем же!!
— Фанфары!!!

И Партия родная,
ни дня не отдыхая,
жизнь нашу украшает!
Она у нас такая —
она у нас всё знает
и всё за нас решает!
В какой бы мы системе
свободными, как птицы,
летали?!!

Да здравствуют партийцы!
Мы им ответим тем же!!
— Литавры!!!

Горжусь я нашим строем,
в особенности теми,
кто совесть, честь и разум!
Так любит нас система,
что хочется порою
за всё воздать ей разом!
Да здравствует система,
где нами правят демо-
караты!!
Мы им ответим тем же!
Мы им ответим тем же!!
— Куранты!!!

Баллада

Днём режим — хозяин, а по ночам
здесь прокурор — тайга,
человек, зарезавший стукача,
ночью ушёл в бега.

Он не мог иначе — не всем дано
своловчей терпеть на земле,
для него это было просто, как нож,
непреложно, как соль и хлеб.

И рванулась погоня за беглецом,
пока тёплый след не остыл,
и замкнулась облава стальным кольцом,
но было кольцо пустым,
билась потная вохра на мокрых псах,
рвал кобель поводок, рыча,
но ушёл, растворился, пропал в лесах
зарезавший стукача.

Пьяный воздух свободы в виски стучал,
отражалось небо в воде,
человек, зарезавший стукача,
шёл спиной к Полярной звезде,
и над ним четырежды вокруг ковша
обернулась звёздная рать,
человек три дня свободой дышал,
на четвёртый стал умирать.

Липкий страх пришёл. Но об этом петь нам совсем ни к чему.

Красивая смерть! Красивая смерть! — ветер кричал ему.

Красивая смерть! — шумела тайга, — всё просто, всё нипочём!

А зарезанный ушедшим в бега не был сукой и стукачом.

Ну и что? — Да нет, совсем ничего — всё неверно, как ни скажи.

Обвинить его, оправдать его я бы мог, если б он был жив.

Но эти двое — лагерный прах, пыль на стопах живых.

Какая разница — кто был прав — если оба мертвы.

Театр

Пока не будят город
ни бомбы, ни снаряды,
пока не душит голод
удавкою блокады,
пока ещё от боли
нас по ночам не корчит
загубим вечер, что ли —
на огонёк заскочим.

Актёры учат роли,
суфлёрша текст листает,
ещё хватает соли,
ещё воды хватает,
и не единственным хлебом
ещё живём — дерзаем!
ещё не рубим мебель,
ещё не замерзаем.

Пока ещё галёрка
любви! — не хлеба — просит,
прозрачная танцорка
шелка на сцену сбросит,
и родинка над грудью
мелькнёт в луче молочном.
Ещё молчат орудья,
ещё гуляем ночью.

Пока из мягких ножен
готова стать рвануться,
пока ещё мы можем
друг другу улыбнуться,
играйте ж, музыканты!
Маэстро, что ж Вы встали?
Ещё комедианты
кривляться не устали.

Пока они хохочут,
влюбляются и плачут,
пока слова грохочут
и ничего не значат,
пока игра словами
смешна, нелепа, лживая,
пока ещё — мы с вами,
пока ещё — мы живы.

Век

Шёл невидящий Век.
Опустите мне веки! –
орал он, завида свет.
И гасил случайные свечи –
Век опущенных век.

С косячком во рту, полном гнилых зубов,
с нездоровым желудком и вывернутым карманом,
он искал в себе глубинный смысл и любовь,
и находил,
но это было обманом,

потому что Век предал лучших своих детей,
убивал, и лгал, и нарушал все заветы,
его руки были в крови почти до локтей,
он был проклят, Век,
но дело было не в этом,

ибо всё обратимо – но Век смертельно устал,
и ему не хватало сил для борьбы с судьбою,
и его глубинный смысл стал – суeta,
а его любовь – лишь жалость к себе, не боле,

и затравленный Век спивался, мелко блудил,
и незваным гостем тоскливо бродил по свету,
и искал свой глубинный смысл, и не находил,
это было обманом,
но дело было не в этом,

потому что Век уже чувствовал свой закат,
так кирпич, положенный в стену,
теряет приметы.
Огласят приговор — он такой же, как все века.
Это будет обманом,
но дело вовсе не в этом...

Яблочко

Ты по тарелочке катаешь яблочко
и замыкаешь круг наискосок,
а над ключицею — смешная ямочка
и счастье — здесь — от нас на волосок.

Трава-муравушка, простынки-скатерти,
и вдруг — пелёночки, морковный сок,
а счастье — вот сейчас — в ладони скатится,
но нет — опять от нас — на волосок.

Прижмись сильней ко мне,
зверёныш ласковый,
рассыпав яблочки в речной песок,
ещё совсем чуть-чуть — и будем счастливы
с тобою — как всегда — на волосок.

* * *

Лежат вчерашние химеры
в песке забвенья золотом,
над ними пролито без меры
чернил, соплей и слёз — о том,
что тихий выдох все печали
легко развеет без следа,
лишь стоит повести плечами —
«Всё это, право, ерунда».

А наши скорбные заботы
никак рукой не развести,
но разве изменилось что-то?
кого-то удалось спасти?
Всё так же вздрагивает пламя
сквозь лёд и тьму,
сквозь лёд и тьму,
лишь стоит повести крылами —
летиши к нему,
летиши к нему.

* * *

Чей-то чуткий сон нарушив,
лёгкой тенью между строк,
я скользнул по вашим душам
словно летний ветерок,
не когтями, не клыками,
а ладонью — без следа,
и ушёл, как в воду камень —
словно не был никогда.

* * *

Свои замыслы трезвые
разрывая о терни,
ты несёшься по лезвию
вся на грани истерики
в оркестровую яму
и не знаешь сама
то ли вырулишь — замуж,
то ли прямо — с ума.

* * *

Секунды, как деньги медные,
летят в турникеты времени,
за наши деяния мелкие
не ждём ни кары, ни премии,
не в силах весы базарные
качнуть невесомой горсткою —
зачем же грехи бездарные
порою такие горькие?

Достойны ли мы возмездия,
которое нам назначено?
«Божественная комедия»
сегодня ещё не начата,
и то, что казалось славою,
ещё обернётся мухою
в нелепых метаньях слалома
меж близостью и разлукой.

Вся жизнь — панихида с танцами,
глаз ворона в перьях кочета.
Какие слова останутся
когда кислород закончится?
Дано ли будет в конце пути,
в миг ужаса и отчаянья
увидеть цель и судьбу найти
в цепи нелепых случайностей?

Аннабель Ли

Мы жили у края студёных вод,
качающих край земли,
когда из времени выпал год
рядом с Аннабель Ли.

С ней рухнул мир — и восстал другим,
в нём было всё не таким,
и стали шаги — нежней, чем шаги,
рука — теплее руки,
и стало стекло — уже не стекло,
трава — совсем не трава,
и рвались связи вещей и слов,
и смысл теряли слова,
и я не знал, как назвать восход,
как выбрать правильный тон,
любое слово было лишь код,
чтоб им обозначить то,
как ты стояла в просвете дня!
как твой огонь сиял!
что ты значила для меня
в музыке бытия.

Но ветер с моря выл, словно пёс,
и бился о край земли,
он берег выстудил и унёс
за море Аннабель Ли,
и мира пёстрые кружева,
тускнея, падали в прах.
И возвращались к вещам слова,
но гасли краски в словах.

А сколько дождей с той поры стекло
по каменным берегам!
Я честно срывал шелуху со слов —
но где мои жемчуга?!
А сколько ушло воды и огня,
воздуха и земли...
Кто-то всегда есть в просвете дня —
нет лишь Аннабель Ли.

Тронулся лёд

Тронулся, тронулся, тронулся, тронулся лёд!
tronулся лёд над великой замёрзшей страной!
и журавлей уже поздно отстреливать влёт,
горло дерущих и бредящих поздней весной.
Тронулся, тронулся, тронулся чёрный январь –
сколько же можно терпеть этот май ледяной!
мы заблудились и спутали свой календарь,
шли бы по звёздам, но не было звёзд над страной.

Тронулось небо, пробитое всплеском стрижа,
tronулись тучи, свинцовая тронулась тьма,
слишком похожа заря на кровавый пожар,
и на пожарища наши похожи дома.
В рваных просветах багровое золото Тельца,
рог Козерога растаял, поход протрубя,
вздрогнешь внезапно под хищным
прицелом Стрельца –
ты не ошибся, конечно, он целит в тебя.

Мало ли знала Россия суровых годин!
пепел холодный дождями косыми зальёт,
ты не один, не один, не один, не один,
tronулся, тронулся, тронулся, тронулся лёд!

Тронулся лёд, откололось от завтра — вчера,
ветер безумной трубою ревёт надо мной,
tronулся лёд — слава богу, настала пора!
Тронулся лёд над великой замёрзшей страной.

ТРИАЛИСТНИК

1. Меч

День уходит, и трубы трубят отбой,
но иная песнь встает из глубин бездонных.
Я — стальной клинок, выкованный судьбой,
на меня упала тень от её ладони.
Я вершу свой путь, и воля моя крепка,
разрезаю ветер, и песня моя легка мне,
я свободен пока
не ляжет её рука
на резной эфес, украшенный чёрным камнем.

Вспыхнет солнце и выбелит сталь клинка,
я несу в себе отраженья земли и моря,
моя жизнь — как лезвие, цель моя — рассекать,
и раскрывать, и выпускать радость и горе.
Ведь глагол — лишь слово, а меч —
не меньше, чем меч,
отворяет меч, а глагол смиряет с потерей
той субстанции, что должна воспарять и течь
в небо из рассечённых вен и артерий.

Жизнь, как ветер, можно грудью встречать,
но безопасней за ней наблюдать из окон,
в ножнах хоронят ножи, но это не для меча —
я их сбросил, как бабочка мёртвый кокон!

Ножны ржавеют, но меч горит на ветру,
на зеркальном лезвии нет коричневых пятен,
тайна жизни моей – узор светящихся рун
на клинке, но мне их смысл непонятен.

Жизнь звенит и сверкает в шальном полёте меча,
манит сладкая смерть в ножен тихую пристань.
Как упоителен этот удар с плеча,
воздух и липкий сон рассёкший со свистом!
Я очерчу магический круг взмахом клинка,
и четыре луча впишу вязью стальною,
и запылают руны, и ляжет судьбы рука
на эфес, и легенда придёт за мною.

2. Ключ

Как я был молод — даже трудно поверить!
ключ носил золотой на золотой цепи,
он мне служил, отворяя сердца и двери,
и обнажая жемчуг под створками скорлупы.

Ночь разливалась, заката гасла полоска,
в башне ждала принцесса, и был ларец потайной
заперт и запечатан печатью алого воска.
Что я знал тогда об этой сказке ночной!
о ключах и ларцах, о музыке их влечений —
я сводил её в туманный термин «люблю»,
но слова заклинаний имеют много значений
(что относится также к волшебному слову «ключ»),

а многозначность всегда чревата потерей
смысла, когда ветвясь и русло дробя,
мысли текут путями древних мистерий,
и не собрать их, и не в obratъ в себя,
множество мыслей — истоков ассоциаций,
множество ими рождённых путей и троп —
во все стороны тянутся и готовы порваться
щупальца зверя, чье имя — Роза Ветров.

...В память стекает времяя принцесс и башен,
хмель выдувает ветер — ветер нового дня,
огненный лик судьбы встаёт, прекрасен и страшен,
и другой — теневой — невидимый для меня.
Юность моя отстрелялась на всю катушку,
тускло мерцают гильзы, рассыпанные в годах,
свет мой всё ярче, но мрак, что его потушит,
всё сильней сжимает кольцо из чёрного льда,

потому что жизнь уже подошла к излому,
и уже тесна скорлупа изжитой судьбы,
время бросить парус навстречу потоку злому,
время стены мира в стеклянную пыль разбить!
ибо это время
бремени и рожденья,
время взрезать чрево неба наискосок,
разорвать его в победном гимне паденья,
в океан ночной стряхнув алмазный песок.

3. Младенец

Мы, наверное, просто от правильной жизни устали,
кто ушёл за кордон, кто в запой, кто в кураж —
с головой,
почему-то над нами тарелки давно не летали
и в углу не высыпывал грустную песнь домовой,
слишком долго любое событие имело причину
и законы упрямо и просто вершили своё,
наши души лечили — как сломанный
двигатель чинят,
утешая — пройдёт, всё пройдёт,
всё уйдёт без следа в забытьё...

Как дождинки в окно равнодушно
секунды стучатся,
и прозрачное время стекает к земле по стеклу,
и уходит в песок, растворяя несчастье и счастье,
позади оставаясь цепочкой разорванных луж.
Наше время — не время богов и не время героев,
им дадут умереть — как и встарь —
но полёт их во тьме
оборвут. Оцинкуют и в мёртвую землю зароют,
и обложат гранитом, и в сердце вобьют
монумент.

Как во время чумы мертвецов мы сжигаем, а если
чье-то моши нетленны — мы их закатаем в бетон,
мы сжигаем пророков своих, чтоб они не воскресли,
если чудо возможно — то лучше попозже, потом...
Но двухтысячный год уж беременен

светлым младенцем,
тяжелеет земля, набухают сосцы бытия,
повивальная бабка — Россия — у чрева стоит
с полотением,
чтоб принять свою боль и любовь,
свою жертву — на круги своя.

СБОРНИК 2

гормональный рэп

ночь
будет всего одна
время
танцевать на костях
выпьем
друг друга до дна
скурим
в один затяг!

сожми
кулаки на раз-два
качай!
вены вздутые нам
качай!
чем венознее синева
качай!
тем ближе к клапанам!

качай!
рэп под гормонами
бьёт пульс
жутко и весело
в какой
нахуй гармонии?!

лишь шаткое
равновесие

на лезвии
или около
как дым
растает которое
когда
мы выйдем из кокона
вне времени
и истории

забей!
пока ты пьяна
будем
танцевать на костях
выпьем
друг друга до дна
скурим
в один затяг!

* * *

сутки и километры
стылого января
в плясках снега и ветра
вижу недобрый знак
сугу с глазами цвета
тёплого янтаря
вновь со мной в откровенных
рваных тревожных снах

я не могу без неё
это пиздец

всё глядит не мигая
течной волчицей
милая дорогая
стерва больная тварь
поздно ходить кругами
поздно лечиться
ненавиля ругаясь
выйдем в мёрзлый январь

я не могу быть с ней
это пиздец

это судьба — вал эмоций жестов событий
это судьба — строить и рушить в хлам
это судьба — разбегаться после соитий
это судьба разбилась напополам

я не могу быть с ней
я не могу без неё
это любовь?
это пиздец

* * *

забываю скверную девочку отпускаю
незабудка нимфетка мой беспощадный морок
вся такая свежая вся такая
и никто не скажет что ей за сорок

я путал её коленку с ручкою передач
а потом нагоняя резко топил педали
чтоб скорей оторваться от мира где-и-когда
в нашем лифте толчками несущем в куши и дали
где мы пили нектар где мы дышали озоном
разрубали узлы и размыкали звенья
где она была сплошной эрогенной зоной
отзываюсь всей кожей за миг до прикосновенья

отпускаю скверную девочку забываю
эта книга давно зачитана мной до корок
а что мозг порвало — ну так с кем не бывает
странны только что этой девчонке уже за сорок

* * *

покидая гавань любую
помнишь ту что неповторима
я не то чтоб ею любуюсь
но дыханье срываю с ритма
будто снова сработал зуммер
отмороженною свирелью
мимолётнейшим из безумий
меж черёмухой и сиренью

* * *

что ты пишешь помадой и тушью на бледном
лице?

извини я не очень силён в письменах по лицу
о концах и началах о снах о забытом кольце
расскажи мне словами а лучше в постели станцуй

извини но воротит от вкуса помады во рту
твой искусственный запах увы не совсем благодать
для чего ты рисуешь на веке косую черту
символ знак иероглиф который не мне разгадать

видно мне не судьба говорить на одном языке
с иностранкой забредшей сюда из таких ебеней
но горячая кожа расскажет прохладной руке
как на ней я зациклен
на ней я зациклен
на ней

* * *

я не сказал бы что всё из-за женщины

просто рассыпалось время и терции
перетекают песчинками в трещины
между присутствием и экзистенцией

крошится мир множа страхи и горести
надо держать островок своей цельности
на беспощадном упрямстве и гордости

вечные нехристианские ценности

* * *

годы липнут репьём
и попробуй стряхни
что-то не то мы пьём
передай-ка стрихнин
не сработал
просчёт
или кто нас хранит?
ладно плесни ещё
и подай цианид

сентябрь

ещё тепло временами
ещё трава не посохла
и только где-то по краю
тронула ржавь кусты
и лето ещё не знает
о том что уже издохло
инерция вместо драйва
в ноль все баки пусты

а лету все ещё мнится
что август в самом начале
и что отсюда до снега
как пешком до луны
но осень клёнов страницы
уже по земле мочалит
срывая светила с неба
что плохо закреплены

* * *

не идеи но кубо-
метры правят эпохой
а как высохнут трубы
вострубят в них отбой
что нам эта гекуба
и гекубе всё похуй
не сорвало башку бы
пересохшей трубой

* * *

ругань с порога — благая весть
тихо шепчу зверея
спасибо — что помнишь
спасибо — что есть
заткнись и ложись скорее

* * *

не пой красавица при мне
я так устала
не-не-не
а спой любимую мою
про даю-даюшки-даю

* * *

всё критикуем и обвиняем
как можно жить с таким раздолбаем!
ты говоришь что я невменяем
я и не спорю – да невтебяем

* * *

с табуретки прыгнул бес
дотянулся до небес

ты так можешь?
я молчу
нагибаться не хочу

* * *

на пространстве расколотом
абстинентными буднями
проектируют молотом
корректируют бубнами
судят нефтью и золотом
лечат водкой и ладаном
мир словами расколотый
и словами залатанный

* * *

и аисту и страусу
и соколу и ворону
и горести и радости
с небес ссыпают поровну
но кто хватает счастье влёт
кто ходит вскользь да около
добрь и зло
огонь и лёд
для ворона и сокола

* * *

пахнет смолами север
от нагретой земли
где разливами клевер
где тугие шмели
зарываются в вереск —
это здесь-и-со-мной!
мир воздался по вере
и не нужно иной

* * *

не судьба высвистывать с переливами
ждать в подъезде ключи хранить
нас едва ли можно назвать счастливыми
и умрём мы в разные дни
ибо мы не в сказке — реал спонтанней
здесь расклады случайнее и смешней
но в итоге — всё тот же узор скитаний
и всегда почему-то выносит к ней

* * *

гонит по кругу мания
хоть всю память порви
это древняя магия
это где-то в крови
это что-то в гормонах
впрыснутых в вены дней
уровня феромонов
или ещё древней
это не между нами
этим пропитан день
это мимо сознанья
проникает везде
и накрывают с верхом
без примет и имён
сны желёзного века
гормоничных времён

* * *

собираем осколки и режем озябшие пальцы
у разбитых корыт на сгоревших мостах
не успеем — пора расплетаться пора просыпаться
нас давно уже ждут — так сложилось
ЧТО В РАЗНЫХ местах

так сложилось — вернее сказать не сложилось
вернее

мы устали от связи и сами решили — пора думал — хуже не будет — не может быть хуже

чем с нею

но ошибся
осталось
осталось
лишь номе

и сорваться на голос — как в омут бездонный
возвращаясь туда куда вход нам закрыт
собирая осколки и раня пустые ладони
на разбитых мостах у сгоревших корыт

* * *

третья гендерная война
битва полов
дни без оглядки ночи без сна
жесты без слов
жизнь без привычек мысли без тем
бег в никуда
из всех моделей схем и систем
повыпадать

сдую мокрую прядь со лба
отпустило? жива?
в рукопашный зовёт труба
фаллопиева
ну а руки коды найдут
вскроют замки
и андрогены вновь поведут
бросят в штыки

что жалеть если выбор свой
если хочу
ветерану гендерных войн
всё по плечу
пуля — дура
судьба — креза
штык — молодец
а заглянешь счастью в глаза —
полный пиздец

* * *

нашу долю злую
больше не пытаю
плюну-поцелую-
к чёрту умотаю
позабуду фразы
счёт обид-печалей
с новой лунной фазы
всё начну сначала

мой цветок колючий
ты поставишь в воду
мимолётный случай
растянулся в годы
где взахлёб любимы
в бытовухе в хламе
линии судьбы мы
спутали узлами

пили жизнь горстями
яркою игрою
ниточку потянешь
воздух перекроешь
тронешь нить неловко
и под горлом сжалась
шёлковой бечёвкой
нежность или жалость

летняя песенка

мы гуляем с алабаем
по некошеным лугам
на два голоса лабаем
наш мотив назло врагам
то фальшивя то без звука
мы несёмся по ладам
азиатка — просто сука
да и я не клод ван дамм

сдам я кровь и сдам я сперму
их немало у меня
и куплю большую ферму
на далёких ебенях
там крупу мы обмолотим
и подоим поросят
и все груши околотим
ведь не зря ж они висят

мы бананьев насажаем
пару фиг и ананас
всех накормим урожаем
и весь мир возлюбит нас
вкусим воли и покоя
без рубля-бля-бля-бля-бля

догорают
за рекою
конопля-
ные
поля

железный лес

1

это не новость и даже уже не баян
но цельный аккордеон уделанный перламутром
по вечерам за церковью русские мудохают россиян
а за мечетью русских мудохают россияне утром
слишком много мечетей слишком много церквей
слишком много фанатов пророков с толпами
пьяными
слишком много причин и мест для пуска кровей
в бесконечной войне между русскими и россиянами

2

воля на волю — тревожный блеск
стали огня воды
мы посадили железный лес —
время срывать плоды
сила на силу — степ на костях
око за хищный взгляд
лес рубят — искры летят
что они запалят?

3

полстраны в кровавый восход
полстраны на закат
полстраны в крестовый поход
полстраны на джихад
полстраны за кровную месть
полстраны за империю
полстраны на верную смерть
полстраны на неверную

городской романс

она искала принца а не ёбыря
не повезло — ну что ж она не первая
и он хотел бы тихую и добрую
а делит свои ночи с этой стервою
их дни летят привычные банальные
раздоры примирения интимные
выносят мозг качели гормональные
определяя ритмы деструктивные

а счастье всем черпали полной чашею —
бери кто сколько сможет унести
но что-то не сложилось с долей нашею
никак не удержать ее в горстї

вибирает их хрупкая вселенная
от хлопнувших дверей до утоления
где каждая их встреча как последняя
а может быть действительно последняя
и может уже завтра ночью летнею
их связь вдруг оборвётся случкой беглою
рассыплется судьба амбивалентная
и станет жизнь обычной чёрно-белою

а счастьем всех поили щедро допьяна
казалось — мимо рта не пронести
кто пил взахлёб а кто бояжил допингом —
никто не удержал его в горстї

городской романс 2

она садится в его авто
и он везёт её на пленэр
она болтает незнамо что
несёт какой-то вздор
например
она говорит что купила груш
но две оказались гнилы внутри
она говорит без конца
а грудь
колышет на вдохе кислотный принт
она говорит смотрела кино
но в наших фильмах что-то не так
она говорит что в её окно
стучался утром какой-то птах
она говорит что в этот четверг
ходила на фитнес качала пресс
а юбка предательски лезет вверх
и в нём пробуждается интерес
она говорит заказала роз
по интернету в четвёртый раз
он кладет ладонь на её бедро
и ещё сильнее давит на газ
и по трассе на пятой они летят
становясь чуть ближе на вираже
и как все — счастливыми быть хотят
и ещё не поняли — что уже

на расстоянии вдоха

слов не надо замри неровно дыша
просто открай мне дверь отступи назад
и подпусти поближе ещё на шаг
на расстояние вдоха
глаза в глаза

на расстоянии вдоха
чтобы услышать кровь
чтоб увидеть биенья впитать горячую тьму
на расстоянии вдоха
чтоб убедиться вновь
что ты не носишь лифчик и он тебе

ни к чему

на расстоянии вдоха
чтобы смешать слова
чтобы смешать дыханье чтобы
смешать слону
на расстоянии вдоха
чтоб тормоза сорвать
чтобы запах желанья полной
грудью вдохнуть

на расстоянии вдоха
чтоб черту перейти
личных границ пространства и бытия

на расстоянии вдоха
чтобы необратим
стал каждый жест и ответная дрожь твоя

на расстоянии вдоха
что ни скажи
оправданья излишни как ни кричи
на расстоянии вдоха
нет ни правды ни лжи
на расстоянии вдоха
ни следствий нет ни причин

на расстоянии вдоха
нет ни света ни тьмы
лишь возможность шагнуть и в сквозном
проёме сойтись

на расстоянии вдоха
есть только мы
только мы
вне времени
во плоти

* * *

всё

уже одеваюсь уже ухожу исчезаю

это сука-судьба наша доля

навылет сквозная

ты права мы опять понапрасну

друг друга терзаем

всё

уже ухожу

до свиданья

но знаешь

всё могло быть иначе — как мы и хотели

жаль тебе не дано быть простой и послушной

жаль что завтра опять не застанет нас

утро в постели

всё

уже ухожу

ну пока

но послушай

всё могло бы сложиться удачным сюжетом

зря мы жгли корабли расставанья итожа

наш осенний роман я пишу

второпях на манжетах

всё
уже ухожу
не скучай

но постой же

так спешил — не распутать шнурки
хоть ты тресни
не распутать судьбу не распутать
мечты не сберечь их
не распутать слова и не выкинуть
имя из песни

ухожу
из прощанья
в прощенье

до встречи

САЙГОНСКИЙ БЛЮЗ

1

где теперь вы соколики?
что с собою родимые
унесли с подоконников
из кафе на владимирском
где двойные без сахара
на нетленках печатями

как ждала нива пахаря!
и дождя и зачатия

мы победами-бедами
пробивали к ней просеки
своё слово не предали
своё дело не бросили
но срывало нас временем
с дорогих якорей
и несло горьким семенем
от заветных дверей

семена эти жалили
обжигали гортань
прорастали скрижалями
рвали жилы у рта
поднял питер с коленей
привкус горький двойной

вставим в цепь поколений
мы стальное звено

2

приснится мне овал оконный
такой родной — что хоть кричи!
за каждым столиком знакомый —
друзья кумиры стукачи
меня зовут — но мне уж хватит
ни грамма больше не приму
добраться б как-то до кровати
желательно — не одному

присев на подоконник крайний
нетленки разложу — на них
моя девчонка в джинсах драных
поставит молча два двойных
и обернётся — этот профиль
почти прозрачен — бог ты мой!
давно последний рубль пропит
пора прощаться — и домой

но кто-то в стрижечке короткой
за нами прошмыгнёт вдогон
одним — орлы
другим — решётки
а этим — звёздочка в погон
так и пойдём — мы напрямую
они — по стеночке в тени
девчонку крепче обниму я
вдавлю в плечо — и шли б они

...

опали листья самиздата —
моя бумажная праша
каким я резким был когда-то
и не умеющим прощать!
но у судьбы свои законы —
всё изживётся — лишь в ночи
приснится мне овал оконный
такой родной — что хоть кричи

3

сколько сказано сколько выпито
сколько связано и расколото
сколько лучших до срока выбиты
где теперь свинец и где золото?
сколько вытекло сколько вылили
сколько в мир расплескали удали
сам порой не веришь — да было ли?
но ведь было — к добру ли к худу ли

4

что не смыто забвеньем — расташено
хищными стаями
и слова и дела и хвала и вина
эхо светлых надежд в белом шуме растаяло
и разгладил прибой на песке письмена
наши тексты размётаны пухом и перьями
и следы замело и окрест никого
но я помню как хрустнул хребет у империи
мимоходом задетой пустым рукавом

сайгонский блюз

не грусти
на эпоху мы стали старей
не грусти
проходя мимо этих дверей
не войти в реку дважды и вряд ли
мы станем моложе
за стеклом
ни души по углам темнота
мотылёнок
улетел оболочки пуста
и не стоит оплакивать мёртвую
старую кожу

сайгонский блюз
блюз кофейных чашек и сигарет
сайгонский блюз
блюз беспечных дней и коротких лет
блюз ночных разговоров котельных
портвейна и рока
это блюз
почти забытых имён
это блюз
давно ушедших времён
блюз наивных надежд и друзей
уходящих до срока

мелкий дождь
отбивает балтийский ритм
не грусти
лучше сядем поговорим
я тебе расскажу что никто не уходит
бесследно
я коснусь
твоей руки — и спалюсь
и спою
позабытый питерский блюз
блюз безумных дней где каждый вдох
как последний

сайгонский блюз...

смех друзей
это было будто вчера
столько лет
нас шатали злые ветра
нас учили терпению но не учили смиренью
и когда
станет вдруг нестерпимым груз
может быть
ты споёшь мне прозрачный блюз
невский блюз воды дождя и мокрой сирени

сайгонский блюз...

Владимир Смирнов
Сайгонский блюз

Продюсер: Михаил Сапего

Оформление обложки: Анатолий Кудрявцев

Корректор: Вероника Ганчурина

Верстка: Андрей Ганчурин

“КРАСНЫЙ МАТРОС” — книга сто_____

справки об оптовых продажах: +7 (911) 960-27-58
сайт «Красного матроса» <http://matros.su>

Формат 60×90/16. Заказ №_____.

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 03/VIII-2013

Отпечатано в .....

Тираж ____ экз. Бумага ____ . Формат ____ .

Подписано в печать ____ .